

БАН - ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Автор: ВАЛЕРИЙ ЛЕОНОВ

"Предназначение БАН - стать сокровищницей и проводником мирового знания. С рождения в ней было что-то необыкновенное, отличавшее её от многих европейских библиотек".

Валерий Павлович Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук, профессор, доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ, Санкт-Петербург

ИДЕЯ СОЗДАНИЯ библиотеки возникла у царя Петра I во время Великого посольства 1697 - 1698 гг. в Западную Европу. Постоянное общение с зарубежными учеными, в первую очередь с немецкими, продолжалось и в начале XVIII века. Уже в декабре 1708 г. Г. В. Лейбниц (1646 - 1716) по предложению Петра составил для него записку о "введении" в Россию наук¹. В 1711 г. в Торгау состоялась встреча Лейбница с Петром, во время которой немецкий учёный развил перед царем свой план. После новой личной встречи Лейбниц уже прямо писал о создании Академии наук и рекомендовал для начала озаботиться организацией библиотеки и кабинета редкостей².

Думать об осуществлении проекта Лейбница было невозможно без помощи иностранцев. А думать, как свидетельствуют публикации, иностранцы начали задолго до создания Академии. Уже в 1714 г. (!) в голландском журнале "Neu-eroffneter Welt und Staats- Spiegel" (Haag, 1714. Th. 67 S. 624) в разделе новостей из Москвы от 25 сентября появилось сообщение о намерениях Петра: *"Говорят, что его царское величество предполагает учредить в Петербурге академию. Если это правда, то со временем этот город сделается и замечательным, и громадным, так как и теперь он довольно обширен"*.

Библиотека Академии наук (БАН) начала создаваться в 1714 г., за десять лет до основания Академии наук. Её биография формировалась в то время, когда по велению Петра на тридцатом меридиане создавался новый город - самодостаточный локальный центр отечественной науки, образования и культуры. Строилась столица, которая притягивала к себе национальную и культурную энергию России и Европы. Её интеллектуальное и научное притяжения были громадными. Из Петербурга во многие страны расходились волны новых мыслей, новых проблем, новых надежд и новых начинаний.. ³

11/22 июня 1718 года советник камер-коллегии Генрих Фик⁴ подал Петру записку *"О нетрудном воспитании и обучении российских молодых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставить"*. Прочитав её, царь начертал на этой бумаге следующую резолюцию: *"Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учён и к тому склонность имеет; также начать переводить книги юриспруденции и прочая, кто сие учинит сего года начало"*⁵. Что здесь необходимо отметить? *"Проницательность"* (по А. С. Пушкину) Петра. Он понимал, что объединить учёных, науку и образование можно только **извне**. И здесь на Библиотеке и Академии лежит подлинная ответственность. Надо стать не учёным человеком, а человеком - учёным. Когда поступку требуются знания, человек познаёт, а познав - создаёт, то есть действует с искусством.

В правящих кругах России планы царя не встретили

единодушного одобрения. Негласное сопротивление дворянской элиты опиралось на распространённое в населении убеждение, что меры Петра тягостны и непосильны для страны, что они искусственны и вредны. Внешняя слава достигалась ценой неслыханных жертв и разорения. Так и Академия наук в безграмотной стране

стр. 29

казалась ненужной и дорогой роскошью⁶. Оценивая сопротивление дворянства петровским преобразованиям, современные авторы видят в нём скорее культурный конфликт, нежели классовое противостояние⁷.

Пётр сумел переориентировать традиционные идеи, воплотившиеся в духе нации на протяжении нескольких веков. Он поставил глобальную задачу для России: **замена одного мировоззрения другим**. И в жизни, и в политике, и в культуре он пытался **соединить несоединимое**. Его душа и сердце вмещали любовь и к ближним своим, и к Отечеству, и к армии и флоту, и к Санкт-Петербургу. Несомненно, что среди его любимых "детей" была и Библиотека. Мнение Европы очень заботило его, но лишь в рамках личных интересов. Пётр думает о большой Библиотеке, ещё недостаточно определенной. Он смутно видит её читателей. В кратких заметках находятся указания, запомнившиеся факты, мысли. За короткие часы раздумий Петр создал оригинальную философию Библиотеки, которая впоследствии даст ему видение необозримого пейзажа... Понять замысел Петра, расшифровать код БАН - задача не из лёгких. Петр не оставил чётких указаний, свидетельствующих о новой её миссии в России. Есть только наброски, которые я уже назвал "пейзажем", и который надо попытаться рассмотреть, как читают черты лица, чтобы определить, что оно выражает.

Предназначение БАН - стать сокровищницей и проводником мирового знания. Именно мирового (никак не меньше!) и обязательно всего, как в древней птолемеевской Александрии. С рождения в ней было что-то необыкновенное, отличавшее её от многих европейских библиотек. Не сразу пришло слово,

которым можно объяснить это впечатление. Но оно пришло - **дистанция**. Дистанция была задана сразу и навсегда. Поэтому и восприятие жизни БАН также предполагает некую дистанцию.

"Начнём ab ovo", - как писал поэт.

Детство, отрочество, юность

Библиотека Академии наук родилась в конце ноября 1714 г. и прожила почти триста лет. Три столетия поровну разделены между XVIII, XIX и XX веками.

Но важнее другой рубеж, не календарный - большая часть жизни Библиотеки прошла при "старом режиме"; в 1917 г. ей исполнилось 203 года. Она принадлежала к той возрастной группе учреждений науки и просвещения России, детство которых пришлось ещё на годы царствования Петра, молодость - на царствование Елизаветы Петровны и Екатерины II, а возмужание - на время войн, революций и перестройки.

Судьба благоволила к Библиотеке изначально. Она родилась в царской семье. В ней было много людей, принадлежавших к элите Российской империи. Среди них оказалось немало таких, которых вообще не признали бы за русских (Р. Арескин, Л. Блюментрост, А. Виниус, А. Остерман). Разговорными языками в детстве были немецкий, латынь, французский, английский.

Первым её помещением стали пристройки к Летнему дворцу, куда в 1714 г. привезли три собрания, содержащие преимущественно западноевропейские издания, - книги Аптекарского приказа из Москвы, библиотеку Готторпскую,

так называемую библиотеку Курляндских герцогов и книги из *"завоеванных балтийских провинций"*. В сентябре 1714 г. по приглашению Пьера Лефорта (1676 - 1754), племянника Франца Лефорта, в Петербург приехал немец Иоганн-Даниэль Шумахер (1690 - 1761), который во флигеле Летнего дворца начинает разбирать царскую библиотеку. Сопратник Петра Роберт Арескин (1675/77 - 1718) стал для Шумахера одним из умов-посредников так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. Находясь в окружении Петра, Шумахер познакомился с нравами и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря Его Императорского Величества.

Фонд насчитывал около 2000 книг на всех европейских языках, включая русский, причем русская книга в первоначальном фонде занимала весьма скромное место. Это происходило совсем не из-за пренебрежения к традиционной русской книге светского содержания, большей частью рукописной, а из-за того, какую роль предназначал Пётр своей первой и главной общедоступной Библиотеке. По его замыслу, она должна была научить русского человека пользоваться всей суммой знаний, накопленных в то время в западноевропейских странах, прежде всего в Голландии и в Англии.

В 1716 г. собрание БАН насчитывало уже 4763 тома. Одним из самых ранних книжных собраний, соединившихся с собранием Петра, является Собрание книг, принадлежавших царевичу Алексею Петровичу (1690 - 1718). Время этого соединения - 1718 год. В том же году для БАН приобретена библиотека сподвижника царя А. А. Винуса, насчитывавшая 375 томов. В 1719 г. была куплена по указу государя библиотека лейб-медика Петра Р. К. Арескина - 2322 названия в 2527 томах⁸.

"Старшая сестра" Академии наук росла стремительно. После библиотеки Арескина специально для неё приобретено знаменитое в Европе книжное собрание шотландского учёного Арчибальда Питкарна - 1522 названия в 1906 томах (1718 г.). Упомяну ещё книги из коллекции барона П. П. Шафирова, насчитывавшие по описи 484 тома, которые были переданы в БАН в 1724 году. Первоначальный фонд Библиотеки,

учтённый и неучтённый в первом печатном каталоге *"Bibliothecae imp. Petropolitanoae"* (P. 1 - 4. St. Pbg., [1741 - 1744]), насчитывал около 16 тысяч книг на всех европейских языках, включая русский. Причём в каталоге не были отражены имеющиеся в Библиотеке книги на греческом и славянском языках, кроме русского.

Начало постоянного обслуживания читателей в Библиотеке - 1718 год, четыре года спустя после основания. К 1719 г. Библиотеку, поскольку Летнего дворца было явно недостаточно для её размещения, перевели в Кикины палаты. На церемонии открытия *"...знатнейшие посетители... были угощаемы кофеем, венгерским вином, цукербротом и, смотря по годовому времени, разными плодами* (но только после

стр. 30

осмотра коллекции. - В. Л.); *посредственных же людей водили... суб-библиотекарь или другой служитель"*. Потом это стало традицией и *"...определено было Библиотекарю сверх сего годового жалования ещё 400 рублёв в год на упомянутое угощение"*⁹. Те, кто это начинал, звались Арескин, Блюментрост и Шумахер, Эйлер и Бернулли, Миллер и Штелин, Ломоносов, Третьяковский, Крашенинников...

Кто же были они - первые читатели общедоступной Библиотеки с 1718 до 1725 года? В это время Библиотеку

посещали представители знати (Я. Брюс, А. Остерман, цесаревна Анна, барон Гюйсен); представители высших слоев духовенства (Феофан Прокопович, А. Кондоиди); дипломаты и учёные (Л. Ланг, В. Татищев); сотрудники создаваемой в Петербурге Академии наук (Л. Блюментрост, И. -Х. Коль, И. -В. Паузе, И. -Д. Шумахер, Ф. Гмелин)¹⁰.

В возрасте четырнадцати лет Библиотека переехала в специально построенное для неё, Кунсткамеры и Академии наук здание на Университетской набережной и жила в нём с небольшим перерывом до 1924 года. С 1925 г. и до настоящего времени она занимает дом на Биржевой линии, 1.

Образование, полученное Библиотекой в детстве и юности, было доступно лишь довольно узкому слою элиты - сотрудникам и членам Академии наук. Впоследствии этот круг значительно расширился и стал открытым для многих поколений российских учёных и исследователей. В детстве для Библиотеки не было в России примера для подражания. И в это время она, как часто бывает, превращается в достопримечательность Санкт-Петербурга. По ней, уже к 40-м гг. XVIII в. можно было судить о том, **что** значит библиотека для столицы, как она выглядит внешне, как растёт и обогащается ценными книгами¹¹. С библиотекой петербуржец общался постоянно, она входила в жизнь, влияла на формирование личности. Отношение к библиотеке, выбор книг, которые отвечают его душевному состоянию, представляли собой часть нового петербургского мировоззрения. Биография БАН - это и переживание её читателями, кто они были, кто и как читал. Понятие "библиотечный Петербург" в то время ещё только формировалось.

На пересечении путей

В БАН, ставшей главной лабораторией Академии наук, примиряются мечта и реальность учёного, но примиряются по-своему. Правила жизни библиотеки, введенные Блюментростом и Шумахером, ещё не стали тогда для академиков необходимостью и, следовательно, привычкой. Много времени и сил уходило у секретаря Академии и

библиотекаря И. -Д. Шумахера (1690 - 1761) на выяснение отношений с академиками, особенно с Ж. -Н. Делилем, М. В. Ломоносовым и советником А. К. Нартовым, по регламенту деятельности академической канцелярии, о роли Библиотеки и организации типографии. Сохранилось письмо асессору академической канцелярии Григорию Теплову от 11 февраля 1749 г., в котором Шумахер пишет: *"Им не я, Шумахер, отворотителен, а мое звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всём остальном.. "*¹². В таких условиях в восемнадцатом веке стала формироваться особая *"академическая"* и *"библиотечная"* чувственность, чтобы затем воплотиться в новой России. Тогда же в "пейзаже" БАН уже были нарисованы черты государственной, академической, публичной и национальной библиотеки. В них обнаруживается пространство, приоткрываемое для исследователя. Может, впоследствии власти недооценили Библиотеку Академии наук, потому что недооценили замысел её создателя? После Петра произошла замена подлинности на деформированное мнение. Это было уже **перечеркивание пейзажа**, наброски которого он оставил в Санкт-Петербурге.

Библиотековедение, как и прочие науки (и естественные, и иные) появилось в нашей стране в результате путешествий Петра на Запад. Сегодня мы относим себя и свою культуру к Европе, зачастую забывая, что современная российская культура есть не стихийное и не естественное порождение российской почвы, а комплекс "трансплантатов", то есть нечто привнесённое извне и пересаженное на оную почву. Часть пересаженного укоренилась лучше (естественные науки, военное дело, музыка, балет), часть - хуже (например, науки об обществе, право, уважение к личности).

Библиотековедение как изучение западного опыта организации библиотек, формирования фондов, международного книгообмена, обслуживания читателей внедрялось в стенах Академии во многом благодаря личным контактам и заинтересованности руководства Академии. Например, в 1748 г. после принятия нового Устава (1747) в качестве почётных членов Императорской Академии наук были избраны два иностранных библиотекаря - Ю. А. Залуский и А. М. Кверини.

Первым же русским библиотекарем в БАН, внесшим в своих трудах вклад в библиотековедение, стал Андрей Иванович Богданов (1693 - 1765).

На похоронах Петра в Петропавловском соборе 10 марта 1725 г. Феофан Прокопович (1681 - 1736) произнёс вещие слова: *"Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимою, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет"*¹³. Это понимали и современники царя. Санкт-Петербург - город, построенный на пересечении караванных путей с Востока на Запад, здесь складывается культура интенсивного обмена, однако своё, собственное, не уступает чужеземному, но, обогащаясь им, выступает твёрже и весомей. Государева библиотека - этот феномен науки и культуры не мог сформироваться иначе как в Санкт-Петербурге: стремление к Академии порождало желание ездить за книгами во все концы Европы. Здесь важно подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Библиотеки Западной Европы обычно возникали на готовой почве, в условиях благоприятной

стр. 31

окружающей среды. В строящемся Петербурге такой почвы не было, но были люди, понимавшие роль и значение библиотеки в новой столице. Они "сверху" возделывали культурную и научную среду, а эта среда пополняла государеву библиотеку. С самого начала ей нужно было как можно больше контактов, знакомств, обменов, общения с самыми разными людьми: от обычных петербуржцев до читателей и гостей самого высокого ранга.

Возникал образ: мы находимся у истоков истории Санкт-Петербурга, а Библиотека - у истоков истории мирового знания. Метафора обещала приход новой жизни, где встретятся три России: Россия науки, Россия образования и Россия культуры, чтобы в гармонии завершить творение Петра. Менее очевидное для учёных, но, может быть, самое существенное состоит в том, что биография БАН представляет

собой как бы зародыш будущего библиотечного дела России. У неё не было предшественников. Есть в её биографии такая черта, которую я бы назвал бессознательным стремлением к совершенству, черта, полученная от своего Создателя в 1714 году. Но это интуитивное стремление постоянно упиралось в реальную государственную машину, которая изменяла, а порой и извращала исходный замысел Петра и творческую биографию Библиотеки. Приблизительно по такой же схеме развивалась и отечественная наука: прекрасное начало, бурное и блистательное развитие, похожее на ослепительную вспышку, с последующим разочарованием, и столь же стремительное падение вниз. Библиотека Академии наук стала зеркалом и отражением смыслов этой схемы. Те, кто был вместе с ней, реагировали на удары властей - волновались, беспокоились, страдали. БАН была выше этого и всегда жила по своим особым правилам. В общественном сознании XX столетия она останется с репутацией строптивой библиотеки. В этой строптивности, сопротивлении власти заключается своеобразное и притягательное её обаяние.

Почти трёхвековой жизненный путь БАН подтверждает правоту того, что ещё четырнадцать столетий тому назад предрекал хранитель императорской библиотеки в Китае Ню Хун (546 - 610). Ню Хун сформулировал пять бедствий, постоянно грозящих библиотекам: **гонения властей, пожары, наводнения, смуты, войны**¹⁴. Удивительная последовательность! Жизнь библиотеки в постоянном окружении этих бедствий ассоциируется у меня со стрелкой компаса. Как известно, она постоянно дрожит (мир неустойчив) и указывает правильное направление движения. Если в библиотеке ситуация стабильная, отклонений от нормы у стрелки нет. Каждому из бедствий соответствует свой радиус отклонения. По радиусу отклонения стрелки компаса можно судить, где библиотека сейчас, что её ждёт в зависимости от бедствия и предполагать, сколько времени потребуется для возвращения в нормальное рабочее состояние. Самый большой радиус отклонения связан с гонением властей, по сравнению с которым все остальные бедствия на порядок меньше.

В биографии БАН есть немало страниц, требующих медленного прочтения и осторожных размышлений. Время

длиною в триста лет делает многих зрячими. Открывает то, что не видели вчера. Ещё вчера были "Академическое дело 1929 - 1931 гг.", блокада 1941 - 1944 гг., февральский пожар 1988 года... А сегодня мы понимаем, что отдаём должное великой академической библиотеке и её основателю - Петру Великому.

Что же впереди? Повторю вслед за выдающимся философом XX в. Карлом Поппером: *"Нам нужна надежда... Но большего нам не нужно, и большего нам не должно давать. Нам не нужна несомненность"*¹⁵.

С автором можно связаться: ban@rasl.nw.ru

Примечания:

¹ Шебунин А. Н. Основание Академии наук // Новое литературное обозрение. - 2002. - № 2(54). - С. 7 - 28. Это первая публикация рукописи выдающегося историка Андрея Николаевича Шебунина (1887 - 1940). Она была создана предположительно в 1936 г. и в настоящее время хранится в Отделе рукописей и редкой книги Российской национальной библиотеки.

² Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке // Лейбниц и его век. Т. 2. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. - С. 134.

³ Координаты Библиотеки Академии наук (вестибюля): 59° 56,6' северной широты и 30° 17,8' восточной долготы. Напомню, что вдоль тридцатого меридиана выстроились главные центры цивилизации: Мемфис, Фивы, Александрия, Каир, Хартум, Претория, Дамаск, Афины, Константинополь (Стамбул), Киев, Великий Новгород. Такого количества столиц нет ни на одном меридиане. Расставаясь со стариной, Пётр, видимо, нуждался именно в такой географической точке (Москва расположена на 38-м меридиане).

⁴ Фик Генрих (1679 - 1750) - немец из Гамбурга. Состоял на русской службе с 1715 г., был секретарём у князя А. Д. Меншикова, сыграл важную роль в создании системы

коллегий.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое / под ред. М. М. Сперанского. - Т. 5. - N 3208. - С. 573.

⁶ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. - Ч. 2. изд. 2-е, испр. - М.: Типография Решетникова, 1820. - С. 61 - 62.

⁶ Гордин М. Становление Санкт-Петербургской Академии наук в контексте развития европейской традиции власти // Российская Академия наук: 275 лет служения России. - М.: Наука, 1999. - С. 238 - 258.

⁷ Р. К. Арескин завещал продать свою библиотеку, а деньги отдать наследникам. Против этого пункта завещания стоит помета Петра: *"Заплатить деньги по оценке"* (История Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л.: 1964. - С. 19, прим.).

⁸ Штелин Я. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом... - СПб.. 1786. - С. 77 - 78.

⁹ Савельева Е. А. У истоков Академической библиотеки / Е. А. Савельева, В. П. Леонов // Вопросы истории естествознания и техники. - 1999. - N 2. - С. 27 - 40.

¹⁰ Шебунин А. Н. Основание Академии наук // Новое литературное обозрение. - 2002. - N 2(54). - С. 7 - 28.

¹¹ Леонов В. П. Судьба библиотеки в России. - СПб., 2000. - С. 198.

¹² Феофан Прокопович. Слово на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго. отца отечества, проповеданое в царствующем Санктпетербурге, в церкви Святых Первоверховных апостол Петра и Павла, святейшаго правительствующего Синода вицепрезидентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, 1725, марта 8 дне // Феофан Прокопович. Сочинения / под редакцией И. П. Еремина. М.; Л.: Изд. АН

СССР, 1961. - С. 128.

¹³ Обращаю ваше внимание, что это было ещё за 50 лет до гибели Александрийской библиотеки в Египте (646 г. н.э.).

¹⁴ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост.: Д. Г. Лахути [и др.]; пер. с англ. Д. Г. Лахути. - М., 2000. - С. 341.

**Статья посвящена истории создания Библиотеки
Российской академии наук.**

**300-летие Библиотеки Российской академии наук, история
библиотечного дела, Петр I**

**The article is devoted to the history of the Library of the
Russian Academy of Sciences.**

**300th anniversary of the Library of the Russian Academy of
Sciences, history of librarianship, Peter I**